

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4

EDN IAVWZB

УДК 316.282

Д. Н. Брикет^{1,2}

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

² Государственный академический университет гуманитарных наук.
Москва, Россия.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ ОТ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Аннотация. Концепции социального действия имеют различный вид в социологии: модель рационального действия, макротеория социальных систем, бихевиористская концепция социального обмена. Они применимы для различных аналитических и эмпирических задач и объединены общей тональностью парадигмы. В этой работе будет описана классификация социального действия М. Вебера, а также ключевые её особенности, задействованные последующими авторами. Будет также рассматриваться влияние концепции на систему социального действия Т. Парсонса и производиться попытка выявить отличительные для парадигмы идеи. При имеющихся достоинствах социального действия, оно не способно отразить в полной мере сложность человеческой коммуникации. Будучи продуманным для оценки каждого отдельного действия на предмет его рациональности, осознанности и ориентированности на социальные аспекты, ему не хватает гибкости для анализа непрерывно идущих навстречу друг другу социальных действий. В этом направлении более развитой видится парадигма социального взаимодействия. В статье проанализированы основные положения Г. Зиммеля и П. Сорокина, как одних из первых социологов, кто обратился к понятию взаимодействия, а в процессе сравнения авторов выведены причины, по которым один из них имел большее значение для будущего развития концепции. Представлены основные идеи символического интеракционизма: этапы его формирования, оказавшие на него влияние концепции и роль, которую он сыграл в последующих направлениях парадигмы: феноменологии, этнометодологии и социального конструкционизма. В заключении описаны основные тенденции двух парадигм и дана сравнительная оценка их значения для современной социологической теории.

Ключевые слова: социальное действие, социальное взаимодействие, актор, символический интеракционизм, рациональность, феноменология.

Для цитирования: Брикет Д.Н. Парадигмальный сдвиг от социального действия к социальному взаимодействию // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 45-56. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4. EDN IAVWZB

Основные принципы, которые обеспечивают наличие социальных отношений между людьми, всегда являются актуальным объектом для изучения в социологии. В классической литературе в попытках описать стремление индивидов находить связи с себе подобными прибегали к понятиям интеграции, солидарности. У Г. Спенсера общество не могло не развиваться без сопутствующих его прогрессу процессов дифференциации и интеграции: бессвязное однородное переходило в состояние упорядоченного разнородного; элементы, отделяясь, синтезировались и интегрировались в сложные системы [1]. Если рассматривать работы Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, в концептуальных индивидах были заложены мотивы приходиться к консолидации в действиях и находить этому в своих целях применение [2-3]. В бихевиористской и, в то же время, радикальной форме Дж. Хоманса социальные отношения необходимы были только

для достижения своих целей, и социальное действие могло рассматриваться как социальный обмен, где каждый старался максимизировать выгоды и минимизировать (а лучше нейтрализовать) издержки [4; 19]. Хотя в большинстве работ классиков предполагалось наличие связующего общества компонента, будь то интеграция или солидарность, особую роль социальному действию как элементарному социальному процессу придал именно М. Вебер [5].

Определяющим для понимания принципов категоризации социального действия М. Вебера является понятие идеального типа. Заимствованное и адаптированное из точных наук понятие идеального типа характеризуется высокой абстрактностью и типизацией эмпирической действительности историко-теоретическими моделями, которые обобщают особенности, свойственные каждой эпохе в рамках временных и пространственных категорий. Эта чистая теоретическая конструкция создавалась как методологическое средство сравнения предельных состояний с эмпирическими. Благодаря этому становилось возможным соотношение абсолютной категории с относительными, но реально существующими состояниями, позволяющее определить отклонения от идеального типа. Идеальный тип формируется, хотя и посредством теоретизирования, определяющим для него становится эмпирический опыт, получаемый ученым для создания конструкции [5, с. 625]. Исходя из таких положений М. Вебер создал понятие социального действия и его виды. Для М. Вебера социальное действие – осознанное действие, где, исходя из рационально оценённых средств, индивид выбирает правильный (субъективно) путь достижения своей цели. Это является ключевым фактором того, почему действие становится социальным – оно осознанное. Не менее важным условием социального действия является ориентированность на другого. Взаимодействие с нечеловеческими объектами не является социальным действием. Всплеск внешне выражаемых эмоций без его очевидной направленности на какой-то социальный объект, согласно Веберу, не считается социальным [5, с. 626-627].

Макс Вебер выделяет несколько типов социального действия:

1. Целерациональное – «ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве “условий” или “средств” для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели».
2. Ценностно-рациональное – основано на безусловной вере в любую «самодовлеющую ценность» (такой может являться эстетическая, религиозная и другие) определённого поведения самого по себе, независимо от того, к чему оно приведёт.
3. Аффективное, совершаемое по причине эмоциональной возбуждённости индивида.
4. Традиционное – обусловленное наличием длительной привычки [5, с. 628].

Причина, по которой систему социального действия Вебера стоит рассматривать через призму идеального типа, заключается в том, что представленные виды действий являются обобщёнными и искусственно разделёнными между собой для более яркой наглядности. Каждый индивид сочетает в себе все четыре вида действий, и, одновременно с этим, никогда не выполняет их так дифференцированно, как они представлены. Человек – существо, развитое комплексно и сложно, поэтому интенции и мотивацию к действиям невозможно определить однофакторными причинами, что и подразумевает М. Вебер, представляя данные типы действия как абсолютизации различных видов их проявления.

По мере «взросления» и развития общества всё более применимым среди индивидов становится целерациональное действие. Бесспорный факт, утверждает

мый М. Вебером, что общество стремится всё к большей рационализации своей деятельности, всей сознательной сферы индивида [5, с. 628-633]. Всё более осознанно люди оценивают перспективы и средства для достижения поставленных целей и выбирают наиболее предпочтительный путь. Вместе с этим, как утверждает М. Вебер, социальные действия людей становятся всё более прогнозируемыми и логически выстроенными (целерациональное действие само по себе из всех четырёх типов действий наиболее легко понимается другими индивидами), что позволяет понимать и в дальнейшем объяснять социальные действия; причины, по которым они проектировались тем или иным образом.

Хотя типология действий индивидов М. Вебера определяется с социальной точки зрения, аффективное и традиционное действия к ним не относятся. Они не являются осознанными и спланированными направлениями деятельности, аффективно направленный акт имеет хаотическую и спонтанную причину, прежде чем совершить эмоционально направленное действие по Веберу не происходит никакого расчёта мотивации и цели его совершения. Традиционное действие – привычка, рутинизированный тип деятельности. Лишь при нарушении хабиитуализированных действий будет предпринята сознательная операция по регулированию состояния. В обоих действиях целью становится скорее само их произведение, аффективный акт исходит лишь по причине выплеска эмоций, некогда осознанное традиционное действие приобретает цель лишь в тех случаях, когда индивид сознательно определяет для себя причины их совершения.

Зачастую действия индивидов представляют смежные виды действий, вбирающие в себя характеристики некоторых из них. Так называемое аффективно-рациональное действие – эмоциональный акт, произведенный по причине достижения определенной цели. Либо ценностно-традиционное – молитва, которая под собой имеет вполне рациональную мотивацию, теряющая вследствие количества совершений первичный замысел. Однако, из-за нарушения привычного состояния её совершения, сознание обращается к ценностно-рациональной мотивации (как в данном случае), либо к целерациональной.

Классификация М. Вебера отражает мотивационные аспекты действий индивидов. В рамках концепции выявляются как подлинно социальные, то есть направленные сознательно на других индивидов действия, так и публичные презентации личностных черт. Интересным становится то, что целенаправленные социальные действия при любых обстоятельствах оказываются рациональными. Этим М. Вебер хотел подчеркнуть возрастающий на тот момент уровень осознанности в действиях расколдовывания мира. В то же время он видел в приверженности к рациональному её формальное восприятие с позиции экономических калькуляций и расчётов действий. Субстантивная рациональность при этом, как общая позиция критического разума и нейтральной мысли на фоне поглощающей свободное пространство бюрократизации, не находила себе место.

Присуждение целерациональному действию единственно подлинной рациональности при имеющихся четырёх может говорить о некоей преемственности идей В. Парето о распространённости нерационального (нелогичного) в человеке. Несмотря на то, что достижение целей следует рассматривать как основное действие индивидов, соотношение средств в принятии решений может быть выполнено опираясь на ценности, традиции и эмоции. Если брать в расчет возможность рационального действия только казаться таковым, и иметь в духе В. Парето «осадки» и «деривации», способствующие замещению логического нелогическим, то и разумные суждения могут не соответствовать целерациональному действию [6, с. 30-33]. Теоретических мер по определению рацио-

нальности действия не существует, поэтому и рациональность становится неуловимой и податливой, если рассматривать её с различных сторон. Убийство человека и сохранение ему жизни могут быть рациональным действием при определенных обстоятельствах. В то же время сама позиция по отношению к подобным вещам может варьироваться уже в пределах одного человека. Использование рациональности у Т. Парсонса не наблюдается, но при этом он сохранил традицию М. Вебера рассматривать человека как существо деятельное и целеориентированное [3, с. 7-10]. Парсонс также приспособил социальное действие к социальным системам в роли элементарного акта. Субъект или агент социальной системы ориентируется на объект, на средства, которые задействуются при выполнении социального действия; условия, в рамках которых оно проходит; для достижения результата в виде ответной реакции объекта [3, с. 10-15]. Отринув рациональные критерии социального действия Т. Парсонс при этом, ввел другие сопутствующие факторы: нормативные, символические и волюнтаристские. При выполнении социального действия первые предполагают наличие ориентации на нормы и ценности у индивидов; вторые обозначают необходимость знаковой системы; третьи наделяют индивидов некоторым запасом свободных от других факторов решений.

Т. Парсонс определял структуру социального действия применительно к концепции социальной системы, в рамках которой благодаря взаимосвязанному функционированию её составляющих обеспечивается общественный порядок, поддерживаемый социальными нормами и социальными институтами. Каждая из подсистем выполняет свои функции, способствующие поддержанию социальной целостности, и контролирует соответствующую область совместной деятельности. Успешность функционирования системы в целом зависит от способности всех подсистем решить значимую для системы проблему или задачу. Опираясь на теорию социального действия М. Вебера, Парсонс смещает фокус внимания от индивидуальных действий к организованной активности единиц социальной системы, которую он представляет четырьмя измерениями: социальное, культурное, личностное, поведенческое. Первому соответствуют функции, связанные с социальной интеграцией. Это измерение включает в себя социальные институты, выполняющие функцию социализации индивидов, их внедрение в социальную структуру [3, с. 25-40].

Культурное измерение включает в себя подсистемы, выполняющие функции воспроизводства образцов, институционализация которых происходит за счёт легитимизации посредством социального консенсуса. Благодаря тому, что определённые ценности разделяются в массовом масштабе и занимают доминирующее положение по сравнению с другими, они становятся образцом, который воспроизводится до тех пор, пока его не сменяют другие ценностные ориентиры.

Личностное измерение Парсонс связывает с функциями целедостижения. Понятие личности, или социализированного индивида, связывается с производством культурных ценностей и социальных институтов, в этом качестве люди рассматриваются как источник функционирования социальных систем. Это измерение считается важным при построении социальной структуры. Его познавательная функция состоит в том, что оно отображает удовлетворение личных желаний и потребностей. На этом уровне происходит интернализация социальных ценностей и норм. Однако сама возможность реализации социальных процессов, соответствующих предыдущим измерениям, опирается на поведенческое измерение. Социальная система выполняет функцию адаптации людей к окружению благодаря действию механизмов отбора информации и организации совместной активности людей. Все эти измерения Парсонс рас-

смаатривает как теоретически автономные, но полагает, что каждое социальное явление следует анализировать, учитывая все составляющие предложенной системы координат [3]. Парсонс подчеркивает, что подсистемы, составляющие эти измерения, не следует онтологизировать, «реифицировать», но в духе М. Вебера их следует рассматривать как «идеальные типы».

Помимо представленной ранее модели элементарного социального действия, Т. Парсонс также описывал другую: актор, цель действия, условия и средства его выполнения и нормативные ожидания. Действующее лицо Т. Парсонс видел в двух вариациях: Эго (субъект) и Альтер (объект) [3, с. 9-15]. Ориентация действий Эго на действия Альтер предполагают поддержание общих нормативных принципов. Их взаимные ожидания складываются исходя из условий ситуации, в которой происходит социальное действие, и усвоенных ценностей. Входящие в функции социальной и культурной системы интеграция и поддержание образца обеспечивают обоюдность и предсказуемость перспектив. Динамическое равновесие социального порядка – результат успешности функций социальных систем. А так как в работах Т. Парсонса состояния аномии в обществе недопустимы и аномальны, рамки допустимой контингентности не будут превышать значений, критических для осуществления взаимодействия.

В работах Т. Парсонса социальное действие имеет вид обобщенной концепции общества, где различные системы выполняют функции, поддерживающие нормальное состояние социальных процессов. Однако зарождение и работа систем начинается с элементарного акта социального действия, о чем сам Т. Парсонс не переставал говорить. Хотя в сравнении с моделью М. Вебера видно расхождение в направлениях разработки концепции – у М. Вебера действие неразрывно связано с рациональностью, а у Т. Парсонса добавляются объективные социокультурные факторы – социальное действие всё ещё остается актуальным средством описания социума. Заметным изменением социального действия становится его связность с нормативными и символическими элементами в обществе. Если у М. Вебера модель была предельным «чистым типом», то, хотя у Т. Парсонса это традиция сохраняется, и он видит системную теорию в первую очередь как аналитический инструмент, социальное действие становится более комплексным строением, включающим обязательное наличие норм, ценностей; языка как способа передачи действия, а также поддержание и одновременное ограничение свободы воли индивида. Последнее выражается через наделение человека волонтаристскими качествами в духе М. Вебера вместе с социокультурной легитимизацией свобод в стиле Э. Дюркгейма.

Наравне с понятием социального действия существует иная социологическая традиция описания динамических процессов общества – социальное взаимодействие. С одной стороны, были социологи, отдававшие предпочтение социальному действию в роли фундаментального процесса в обществе, с другой, существовали и те, кто видел именно в социальном взаимодействии основу существования общества без возможности разделять его на отдельные действия. Одними из первых социологов, кто прибегал к понятию социального взаимодействия, были Г. Зиммель и П. Сорокин [7-8]. Для развития идей данной статьи интерес представляют в большей степени воззрения первого. Для П. Сорокина социальное взаимодействие было способом связи макропроцессов общества, трансляцией социокультурной динамики. Структуру социального взаимодействия он скорее видел в бихевиористской, физикалистской манере. Неизменную основу взаимодействия составляли его участники, сами акты или действия индивидов и «проводники» – способы передачи этого акта (материальные или символические). Переменными социального взаимодействия являются: коли-

чество участников, типизация действия и вариации «проводников» [8]. С этой точки зрения социальное взаимодействие П. Сорокина скорее предстает как разновидность социального действия, где не предполагается проблематика обратной коммуникации после единичного акта индивида.

Зиммель объяснял, что общество строится через взаимодействие людей, которые рассматриваются как агенты взаимодействия. Он признавал, что акт взаимодействия порождается изменением психических состояний людей. Но изучение и анализ этих явлений в рамках психологических категорий и методов предполагает психологическое, а не социологическое объяснение [7, с. 301-322]. Поэтому социология должна исследовать коллективные явления, где их природа не могла бы быть сведена к индивидуальным проявлениям. Взаимодействие подразумевает собой некое единство, существующее как бы между ними, но его предпосылки заложены в действующих индивидах.

Социальное взаимодействие Г. Зиммель рассматривал через призму формальной социологии. Формальная социология занимается изучением форм и содержания. Содержание представляет собой социальную материю, бесформенную хаотичную энергию, которая по мере развития типологизируется в различные состояния, приобретающие формы социаций – устойчивых и повторяющихся форм взаимодействия, абстрагированных от содержания, с помощью которого они были образованы. Задача формальной социологии – поиск чистых социаций [7, с. 486-501]. Социация включает свойства действий и индивидов. Поэтому изучение природы этих явлений только как находящихся вне индивидов не приводит к положительному результату. Однако, если эта ориентация на другого свойственна индивидам, то возникает вопрос – как она должна осуществляться и какова природа её происхождения. Зиммель утверждает, что взаимные ориентации возникают на особом уровне сознания, который не может рассматриваться как часть системы действия индивида. Взаимные ориентации являются главным условием, с помощью которого могут быть объяснены стабильные структуры взаимодействия и регулярного поведения. Взаимные ориентации и есть формы социации [7, с. 490-495]. Даже небольшое число людей становится обществом не тогда, когда каждый из них обладает каким-то предметно выраженным и индивидуально произведённым жизненным содержанием, а тогда, когда их жизненность приобретает форму взаимовлияния. Содержание или материал социации Зиммель трактует как те мотивы, стремления, цели, всё то, что существует в сознании индивидов таким образом, что оказывает воздействие на других. Формы социации, обобществления становятся собственным объектом изучения социологии, так как их образование есть производное не индивидуальных действий, но взаимодействий. Но, даже учитывая то, что формы социации имеют свою природу, Зиммель не уделял внимания их содержанию. Он утверждал, что материал и форма в социальных событиях, явлениях есть неразделимые части единого целого.

В теории Г. Зиммеля, учитывая её интеллектуальное разнообразие, ключевыми для социального взаимодействия свойствами остаются взаимные ориентации. Если разделение формы и содержания будет периодически всплывать в последующих работах социологов, то взаимные ожидания как неотъемлемая характеристика социального взаимодействия будут постоянными.

Идеи Зиммеля о социальном взаимодействии главным образом повлияли на работы представителей Чикагской школы. В особенности это отразилось на Ч. Кули и Дж. Миде и, как следствие, появлении символического интеракционизма. Через призму символического интеракционизма рассматривался процесс взаимодействия между индивидами и то, как вообще могло складываться общее

понимание необходимых для этого процесса элементов. Направление, будучи инициированным представителем Чикагской школы Ч. Кули, отталкивалось от воззрений, касающихся «Зеркального Я» [9, с. 68-75]. В рамках этой концепции рассматривалась структура процесса социализации и рефлексивное восприятие социального положения индивида. То, как люди воспринимают социальную реальность, кем они видят себя в отношениях с другими людьми и какие социальные роли они примеряют, является отражением индивидуального Я. Нормативные ограничения, социальные табу, различные предрассудки и стереотипы являются препятствиями для формирования чистой индивидуальности. В той мере, в какой социальные нормы категорируются, определяется доля доступных для индивида свобод. Выбор перспектив развития взаимодействия отражает не только личные представления о социальном, но также опосредованно описывает собственное видение себя. Мало того, что формирование личности происходит через сплетение индивидуальных и социальных реакций, сами реакции на представления о себе есть представления представлений. То, каким видят индивида окружающие, является его оценкой своего положения в обществе. Видя себя таким, каким он думает, как изображают его, становится опорной точкой для его перцепций действий других. Впоследствии эти идеи позволяют Дж. Миду сформулировать более отчётливые формы положения символического интеракционизма [10, Рр. 135-144, 164-178, 192-200]. Его будет интересовать вопрос возможности коммуникации и причины, по которым люди, неспособные к постижению чужого сознания, всё же могут взаимодействовать друг с другом.

Важные для совершения коммуникации знаки и символы были проанализированы Дж. Мидом. По его мнению, особенный для совершения взаимодействия знак – жест – является скорее рефлекторным и соматическим способом общения. Он преобладает у животных, так как им недоступен выбор для совершения действия. Стандартизированные через генетический опыт и родовую наследственность стимулы задевают предсказуемую реакцию. Это в первую очередь касается незначимых жестов – для их совершения не требуется предшествующая действию осознанность в его совершении. Напротив, для значимых жестов необходима фонетическая или тактильная операция, которая может быть устоявшейся привычкой, выработанной в пределах человеческого общества. Хотя его статус может быть приравнен к состоянию рефлексов, значимый жест базируется в социальной среде, значит и обязан своим происхождением не естественным импульсам, а принятым традициям. Наконец, значимый символ – торжество человеческого ума и уникальное средство связи в обществе. Без символа общество было бы не способно стать таким, каким оно является в настоящее время.

При совершении межличностного взаимодействия воспринимающееся как типичное поведение становится таковым благодаря его повторяемости. Хотя одно и то же действие может вызвать ряд реакций на него, только символы способны продолжить коммуникацию. Непредсказуемый ответ на действие партнера способен продолжить взаимодействие только в случаях наличествующего опыта подобных действий реципиента. Символы объединяет совместимость смыслов в коммуникации при несходном опыте участников. Несмотря на то, что опыт каждого человека уникален, при одних и тех же ситуациях он задевается схожим образом, через типизацию вывода из безграничного множества реакций те, что соответствуют текущему положению. Соответственно, в рамках символического интеракционизма примечательным становится то, что людей объединяет социальное происхождение стимулов и реакций. Незнание статуса и содержания сознания собеседника не мешает при этом ожидать вза-

имно ориентированных действий. Вспомогательным инструментом для коммуникации оказываются символы по причине их социально обусловленного происхождения. Развитие сознания человека проходит через взаимодействие посредством символов, и обогащение собственного опыта сквозь обновление и увеличение символического капитала. Идея развития мышления через коммуникацию является магистральной в символическом интеракционизме, а социальное взаимодействие отождествляется с последовательными процессами познания [11].

Символический интеракционизм наделил социальное взаимодействие большим эвристическим потенциалом. Оно стало более заметным конкурентом социального действия в вопросах происхождения социального в обществе. Помимо этого, символический интеракционизм в той или иной степени повлиял на развитие драматургического подхода, этнометодологии, феноменологической социологии, социального конструкционизма. Всё это происходило благодаря тому, что в символическом интеракционизме были затронуты те аспекты социального взаимодействия, которые прежде не освещались в подобном спектре. Хотя можно говорить, что значение имело для упомянутых выше направлений именно развитие символического интеракционизма, последний стал неразрывно связан методологически с понятием социального взаимодействия. Использование в научной работе одного из двух понятий тождественно предпочтениям в выборе социологических традиций. Если выбор пал на социальное действие, это скорее функционалистская и бихевиористская перспектива, социальное взаимодействие – герменевтическое направление. Однако, несмотря на видимую ясность этого деления, примечательным становится то, что в современной теории практически без исключений исследовательский объектив сместился в сторону нахождения и интерпретации смыслов, текстов. Действие неотрывно связано с историческим контекстом, а интерпретатор – с его трактовкой ситуации.

Перестановку сил вызвал в том числе лингвистический поворот в гуманитарных науках [12]. Особенное внимание в социологии стало уделяться языку, символическим аспектам взаимодействия. Семиология внедрилась в методологию структурализма и социологии. Знаки, символы стали изучаться в социально-историческом контексте, различные типизации социального взаимодействия стали предметом дискурса. Производные от символического интеракционизма теории сосредотачивались вокруг таких тем как мышление, восприятие себя через других, взаимные перспективы, символические единицы коммуникации. Социологов интересовало происхождение социального взаимодействия между индивидами и то, почему оно могло проходить успешно в одних ситуациях и преждевременно прерываться в других. В этом смысле социальное взаимодействие позволило отойти от прагматических настроений концепций социального действия в сторону интерпретативной парадигмы. Это в первую очередь можно заметить по меняющейся семантике теоретического текста. Дискурс социального действия содержательно связан с рациональностью, приданием действиям субъектов цели, полон почти позитивистского стремления разделить реальность на «чистые типы» и наградить индивида качествами экономического человека, расценивающего поступки с позиции получаемой выгоды. Контекст социального взаимодействия стал мягче, в какой-то степени отдалился от макроструктур и стал в большей степени связан с феноменом взаимодействия. Это можно наблюдать хотя бы по тому, как была написана работа Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии» – через использование колоссального эмпирического материал доказывається, что нормы и практики, которым следуют индивиды,

являются результатом их собственных ограничений, конструирования социальной реальности [13, с. 34-43].

Переход к социальному взаимодействию также ознаменовал дистанцирование от социальных систем в их первоначальном виде. Несмотря на желание Т. Парсонса показать равенство агентов социального действия и их способность следовать собственным идеям на пути к достижению цели, структурный функционализм до сих пор рассматривается как примат системного над индивидуальным в вопросах функционирования социальных процессов. В свою очередь, само по себе признание взаимодействия как базового элемента для развития общества предполагает существенную роль индивидов в вопросах объективации социального. Они сами конструируют социальную реальность и, в то же время, становятся заложниками выстроенных институализаций. В феноменологической социологии А. Шюца неоднократно говорится, что в действительности человек обладает достаточно ограниченным количеством знания, однако, возможность его типизировать и восполнять пробелы идеализацией или «додумыванием», исходя из имеющегося, позволяет ориентироваться в пространстве [14, с. 70-78; 15]. Уникальный и особенный «жизненный мир» лишается возможности быть познанным в своем первоначальном состоянии из-за человеческой способности соотносить уникальные факты с предшествующим опытом. Наделение человека умением регулировать процессы в обществе и возможностью влиять на представления о социальной реальности с одной стороны, и в то же время введением ограничений на его способности к познанию и стремлением опираться на опыт в своих попытках типизировать окружение с другой, являются типичными симптомами парадигмы социального взаимодействия.

Релятивизм, свойственный социальному взаимодействию, будет впоследствии актуализироваться в постмодернистском ключе. Социальное взаимодействие в этом течении рассматривается не только через феномен обобщенного другого, где векторы развития сознания и социализации определялись бы через референтные группы, но и само взаимодействие могло бы рассматриваться как дискурс, который структурирован только лингвистическими и историческими аспектами. Очевидно, что в данной работе нет цели выявить имплицитные закономерности, а скорее есть желание отметить тот факт, что изменения в гуманитарных науках независимо от того, что является их следствием, распространяются в определенной мере на все дисциплины. В этом смысле, идеи Ю. Хабермаса и Н. Лумана могут рассматриваться как современная и ретроспективная рефлексия социальной динамики [16-18]. Каждый из них по-своему адаптировал путь от социального действия к социальному взаимодействию к своей работе и определил движение в сторону понятия коммуникации. Примечательно, как каждый из них базировался в своих концепциях на теориях представителей парадигмы социального действия: Ю. Хабермас в своей работе отталкивался от модели рационального социального действия М. Вебера, Н. Луман преобразовал для своей теории социальные системы Т. Парсонса [16-17]. На данный момент нет возможности точно сказать, станет ли социальная коммуникация новой парадигмой с её отличительными чертами, однако, можно с уверенностью заключить, что коммуникация в работах этих авторов зародилась благодаря совмещению достижений предыдущих парадигм, впитав при этом все недостатки предыдущих теорий, которые ей предстоит разрешить.

Парадигмальный сдвиг наиболее очевиден при оценке коммуникативных аспектов в области социальных изменений. Коммуникация, как на уровне межличностных отношений, так и на уровне глобальных политических решений, стала более усиленно вовлекаться в сферу социальных взаимодействий. Ей

стали уделять большее внимание по мере глобализации и одновременной внутренней самоидентификации стран. Практическое значение парадигмального перехода должно быть выражено в управленческих решениях, сосредоточенных вокруг правильно выстроенной коммуникации. С одной стороны, переход к социальному взаимодействию ведёт к повышенному вниманию к реакциям и рефлексиям относительно произведённых социальных действий, с другой, средство осуществления коммуникации – в первую очередь язык – приобретает не меньшее значение в сравнении с самим действием.

Актуальность темы теоретических изменений в сфере социальных действий влияет как на пересмотр аспектов коммуникации, так и сама является следствием меняющейся коммуникации. В соответствии с тенденциями изучать более комплексно проблемы коммуникации: лингвистические, политические, психологические и т.д., в социологии немаловажным ходом остается выявление причин такого повышенного спроса на коммуникацию. Написание этой статьи в том числе связано с данной задачей: показать особенности парадигмального сближения социального действия с коммуникацией через социальное взаимодействие.

Библиографический список

1. *Спенсер, Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. Киев : Гама-Принт, 2013. 496 с. ISBN 978-966-1645-90-4.
2. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана; примечания В. В. Сапова. М. : Канон, 1996. 432 с. ISBN 5-88373-036-1.
3. *Парсонс, Т.* Социальная система. М. : Академический проект, 2018. 529 с. ISBN 978-5-8291-2255-3.
4. *Николаев, В. Г.* 2001.02.016. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. № 2. С. 88-132. EDN [BAZJ1B](#).
5. *Вебер, М.* Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](#).
6. *Парето, В.* Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А. А. Зотова. 2-ое изд. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2008. 511 с. ISBN 978-5-7598-0573-1.
7. *Зиммель, Г.* Избранное. В 2х т. Т. 2: Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 607 с. ISBN 5-7357-0175-4.
8. Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии : Сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2012. 232 с. ISBN 978-5-248-00612-0. EDN [OPPHQH](#).
9. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общей ред. А. Б. Толстова. М. : Идея-Пресс, 2000. 309 с. ISBN 5-7333-0016-7. EDN [VXHFVR](#).
10. *Mead, G. H.* Mind, self and society. Chicago & London : University Of Chicago Press, 1934. 445 p.
11. *Блумер, Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т. М. Андреевой [и др.]. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 173-179.
12. *Rorty, R.* The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method. Chicago & London : University Of Chicago Press, 1967. 416 с. ISBN 978-0226725680.
13. *Гарфинкель, Г.* Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 335 с. ISBN 5-469-00033-8.
14. *Шюц, А.* Избранное: мир, светящийся смыслом / Составление, научная редакция и послесловие Н. М. Смирновой. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7. EDN [QWHEJL](#).
15. *Шюц, А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 334 с. ISBN 5-93947-012-2. EDN [QOBZSZ](#).

16. *Habermas, J.* Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society / Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass. : Beacon Press, 1984. 465 p.

17. *Habermas, J.* Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason / Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass. : Beacon Press, 1987. 457 p.

18. *Луман, Н.* Общество общества. Том 1. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Логос, 2004. 232 с. EDN [PWOOCR](#).

19. *Николаев, В.Г.* 2001.02.016. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы (продолжение) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. № 3. С. 127-164. EDN [BAZJNL](#).

Дата поступления в редакцию: 03.06.2022.

Принята к печати: 16.06.2022.

Сведения об авторе:

Брикет Денис Николаевич, лаборант-исследователь, Институт социологии ФНИСЦ РАН; старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Москва, Россия.

e-mail: unsade@mail.ru

Author ID РИНЦ: 1150865

D. N. Briket^{1,2}

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

² State Academic University for the Humanities.

Moscow, Russia.

THE PARADIGM SHIFT FROM SOCIAL ACTION TO SOCIAL INTERACTION

Abstract. Concepts of social action have a different form in sociology: the model of rational action, the macrotheory of social systems, the behaviorist concept of social exchange. They are applicable for various analytical and empirical problems, and are united by the general tone of the paradigm. This work will describe the classification of social action by M. Weber, as well as its key features involved by subsequent authors. The influence of the concept on the system of social action of T. Parsons will also be considered and attempts to identify ideas that are distinctive for the paradigm will be made. With the existing merits of social action, it is still not able to fully reflect the complexity of human communication. Being created to assess each individual action for its rationality, awareness and focus on social aspects, it lacks the flexibility to analyze continuously moving towards each other social actions. For these tasks the paradigm of social interaction seems to be more adequate. The article analyzes the main provisions of G. Simmel and P. Sorokin, as one of the first sociologists who turned to the concept of interaction, and in the process of comparing the authors, the reasons are derived for which one of them was more important for the future development of the concept. The main ideas of symbolic interactionism are presented: the stages of its formation, the concepts that influenced it, and what role it played in the subsequent directions of the paradigm: phenomenology, ethnomethodology and social constructionism. In conclusion, the main trends of the two paradigms are described and a comparative assessment of their significance for modern sociological theory is given.

Keywords: social action, social interaction, actor, symbolic interactionism, rationality, phenomenology.

For citation: Briket D.N. (2022) The paradigm shift from social action to social interaction. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 45-56. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.4

References

1. Spencer, H. (2013) *Social statics or The Conditions essential to Happiness specified, and the First of them Developed*. Kiev, Gama-Print. 496 p. ISBN 978-966-1645-90-4 (in Russ.).
2. Durkheim, E. (1996) *De la division du travail social*. Transl. from Fr. by A. B. Hoffmann, notes by V. V. Sapov. Moscow, Kanon Publ. 432 p. ISBN 5-88373-036-1 (in Russ.).
3. Parsons, T. (2018) *The Social System*. Moscow, Academic project. 529 p. ISBN 978-5-8291-2255-3 (in Russ.).
4. Nikolaev, V. G. (2001) 2001.02.016. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms (chapters) (translation). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*. No. 2. Pp. 88-132 (in Russ.).
5. Weber, M. (1990) *Selected works*. Ed. and after. by Yu. N. Davydova; foreword by P. P. Gaidenko; comments by A. F. Filippova. Moscow, Progress Publ. 808 p. ISBN 5-01-001584-6 (in Russ.).
6. Pareto, V. (2008) *Compendio di sociologia generale*. Transl. from It. by A. A. Zotova. 2nd ed. Moscow, HSE Publ. House. 511 p. ISBN 978-5-7598-0573-1 (in Russ.).
7. Simmel, G. (1996) *Selected Works*. In 2 vols. Vol. 2: Contemplation of life. Moscow, "Jurist" Publ. 607 p. ISBN 5-7357-0175-4 (in Russ.).
8. Pitirim Sorokin: *New materials for scientific biography*. Coll. Scientific Works. Moscow, INION RAN, 2012. 232 p. ISBN 978-5-248-00612-0 (in Russ.).
9. Cooley, Ch. H. (2000) *Human nature and the social order*. Transl. from Eng. under ed. by A. B. Tolstov. Moscow, Idea-Press. 309 p. ISBN 5-7333-0016-7 (in Russ.).
10. Mead, G. H. (1934) *Mind, self and society*. Chicago & London, University Of Chicago Press. 445 p. (In Eng.).
11. Bloomer, G. (1984) Society as a symbolic interaction. In: *Modern foreign social psychology: texts [Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya: teksty]*. Ed. by T. M. Andreeva [et al.]. Moscow, MSU Publ. house. Pp. 173-179 (in Russ.).
12. Rorty, R. (1967) *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago & London, University Of Chicago Press. 416 p. ISBN 978-0226725680 (in Eng.).
13. Garfinkel, H. (2007) *Studies in ethnomethodology*. St. Petersburg, Peter. 335 p. ISBN 5-469-00033-8 (in Russ.).
14. Schutz, A. (2004) *Favorites: a world glowing with meaning*. Comp., ed. and afterword by N. M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN. 1056 p. ISBN 5-8243-0513-7 (in Russ.).
15. Schutz, A. (2003) The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. Transl. by A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mazlumyanova. Moscow, Public Opinion Foundation Institute. 334 p. ISBN 5-93947-012-2 (in Russ.).
16. Habermas, J. (1984) *Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass., Beacon Press. 465 p. (In Eng.).
17. Habermas, J. (1987) *Theory of Communicative Action*. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Transl. by Th. A. McCarthy. Boston, Mass., Beacon Press. 457 p. (In Eng.).
18. Luhman, N. (2004) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Vol. I. Gesellschaft als soziales System. Transl. from Germ. by A. Yu. Antonovskiy. Moscow, Logos. 232 p. (In Russ.).
19. Nikolaev, V. G. (2001) 2001.02.016. Homans G. C. Social behavior: Its elementary forms (continued) (translation). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*. No. 3. Pp. 127-164 (in Russ.).

The article was submitted on June 03, 2022.

Accepted on June 16, 2022.

Information about the author:

Denis N. Briket, Research Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Senior Lecturer, State Academic University for Humanities. Moscow, Russia.
e-mail: unsade@mail.ru